

*Вэлу и Алексу Мартинесам с любовью
и благодарностью за их доброту, не изменявшую
им все эти годы.*

Часть первая

ДВЕ ПАРЫ СИДЕЛОК НОВОГО ТИПА

Эдда и Грейс, Тафтс и Китти. Две пары близнецов, дочери преподобного Томаса Латимера, пастора англиканской церкви Святого Марка в городе Корунда, Новый Южный Уэльс, Австралия.

Они сидели на четырех изящных стульчиках перед незажженным камином. Огромная гостиная была заполнена щебечущими дамами, приглашенными Мод, женой пастора, чтобы отметить событие, до которого оставалось меньше недели: дочери пастора покидали родительский дом, чтобы работать сиделками в главной больнице Корунды.

«Меньше недели, меньше недели!» — мысленно повторяла Эдда, смущаясь от того, что ее выставили на всеобщее обозрение. Она обводила глазами комнату, стараясь не смотреть на свою мачеху Мод, которая, как обычно, завладела разговором и болтала без всякого удержу.

Сбоку от стула Эдды, самом крайнем из четырех, в деревянном полу была дыра. Заметив в ней

какое-то движение, она застыла и сдержала усмешку. Крыса! Только ее здесь не хватало! Надо погромче взвизгнуть и поднять крик, думала Эдда, глядя на высовывающуюся голову. Вот будет переполох!

Но, присмотревшись, она в ужасе застыла. За блестящим черным клином с подрагивающим языком — ну иловища! — последовало черное лоснящееся тело толщиной с женскую руку. И жуткая тварь продолжала вылезать — семифутовая черная змея с красным брюхом, да к тому же ядовитая. Как она пролезла сюда?

Стоит ей высвободить хвост, и она бросится куда угодно. От кочерги, стоявшей по другую сторону камина, Эдду отделяли ни о чем не подозревавшие Тафтс, Грейс и Китти, так что на это орудие надеяться не приходилось.

Сужающиеся ножки ее стула внизу были не толще тюбика помады. Глубоко вздохнув, Эдда приподнялась вместе со стулом и поставила его переднюю ножку прямо на голову змее. Потом резко опустила на сиденье и вцепилась в его края, полная решимости противостоять самому яростному сопротивлению, подобно Джеку Терлоу, объезжающему лошадь.

Ножка стула угодила змее как раз между глаз, и она взвилась в воздух всем своим семифутовым телом. Кто-то пронзительно вскрикнул, потом закричали все, а Эдда Латимер изо всех сил старалась удержать стул на змеиной голове. Змея судорожно извивалась и колотила хвостом, нанося удары не хуже мужского кулака, столь сильно и стремитель-

но, что, казалось, вокруг стула бушует вихрь, темная сила, сметающая все на своем пути.

Женщины в панике бегали по комнате и вопили, не спуская испуганных глаз с Эдды, сражающейся со змием, но подойти помочь никто не решался. Никто, кроме бесстрашной красавицы Китти, которая, бросившись к камину, схватила томагавк, которым кололи щепки для растопки. Уворачиваясь от змеи, она сумела пробиться к стулу и двумя ударами отсекла гадине голову.

— Можешь слезть со стула, Эдс, — сказала Китти, бросая топорик. — Ну и страшилище! Ты будешь вся в синяках.

— Ты сумасшедшая! — всхлинула Грейс, роняя слезы.

— Вот дурехи! — с чувством бросила Тафтс, имея в виду Эдду с Китти.

Побелевший Томас Латимер был слишком поглощен хлопотами вокруг второй жены, бившейся в истерике, чтобы сделать то, к чему его призывал отцовский долг, — похвалить отличившихся дочерей.

Крики и возгласы наконец утихли, напряжение в гостиной несколько спало, и самые бесстрашные дамы даже отважились подойти к поверженной змее, чтобы лично убедиться в ее кончине — да это просто монстр какой-то! В то время как миссис Энид Тридби и миссис Генриетта Бердам помогали преподобному утешать Мод, все остальные, кроме самих сестер, мгновенно забыли о цели собрания. Умами владело лишь одно — странная Эдда Латимер убила ядовитую змею, и пора бежать до-

мой, чтобы предаться там любимому занятию женщин Корунды — сплетничать, распускать слухи и предаваться домыслам.

Близнецы двинулись к столику с угощением и, налив чай в тонкие чашки, набросились на сэндвичи с огурцом.

— Ну разве не дуры? — вопрошала Тафтс, размахивая заварочным чайником. — Можно подумать, на нас бы обрушились небеса! Вполне в твоём духе, Эдда. А если бы ты её не удержала? Что тогда?

— Тогда, Тафтс, я бы обратилась за советом к тебе.

— Ха! Пустые хлопоты, ведь к тебе на помощь устремилась наша отчаянная Китти.

Тафтс бросила взгляд на гостиную.

— Черт возьми, да все расходятся! Налетай, девчонки, теперь наедемся до отвала.

— Мамаша дня два будет приходить в себя, — весело предположила Грейс, протягивая пустую чашку. — Удар посильнее, чем потеря четырех бесплатных домработниц.

Китти громко высморкалась.

— Вздор! Для матери потеря бесплатных прислужниц гораздо страшнее, чем какая-то там змея, будь она хоть в сто раз больше и ядовитее.

— Мало того, когда мать придет в себя, она первым делом прочтет Эдде проповедь, как убивать змей, соблюдая внешние приличия, — не унималась Тафтс. — А то ведь возникла ненужная суматоха.

— Признаю свою вину, — мирно отозвалась Эдда, намазывая булочку толстым слоем джема со взбитыми сливками. — М-м! Если бы не я, сидели

бы вы сейчас без булочек. Все бы подчистили ма-тушкины подружки. — Она засмеялась. — Уже в по-недельник, девочки! Со следующей недели мы на-чинаем самостоятельную жизнь. Без всякой мамоч-ки. Надеюсь, я не задеваю чувств Тафтс и Китти.

— Не задеваешь, — мрачно подтвердила по-следняя.

Нельзя сказать, что Мод Латимер делала все со злым умыслом, в ее собственном представлении она была золотая мачеха и образцовая мать. Эдда и Грейс достались ей от первого брака мужа, а Тафтс и Китти были ее собственными дочерьми, но разницы между ними она никогда не делала, о чем спешила сообщить всякому, кто проявлял хоть малейший интерес к семье приходского свя-щенника. Разве могут быть обузой такие чудесные крошки, тем более для женщины, которая без ума от детей? Возможно, ее благие намерения претво-рились бы в жизнь, но своевольная игра природы внесла в них некоторые коррективы. Дело в том, что Китти, младшая из близнецов Мод, была на-столько красива, что остальные сестрички просто терялись на ее фоне, подобно бледной луне в лучах ослепительного солнца.

Китти, начиная с самого раннего детства и вплоть до той злополучной вечеринки, восхищала Мод, и та не переставала превозносить ее совер-шенства всякому, кто имел неосторожность ока-заться в пределах слышимости. С такой оценкой нельзя было не согласиться, хотя вид Мод, гордо ведущей Китти за руку, и трех ее сестричек, сле-

дующих чуть поодаль, уже изрядно всех утомил. В конце концов общественность Корунды пришла к единодушному мнению, что так Мод лишь перессорит сестер, сделав из них непримиримых врагов — ведь Эдда, Грейс и Тафтс наверняка ненавидят Китти! Ну кто из нее может вырасти? Конечно же, противная, испорченная и нестерпимо самодовольная особа.

Но получилось иначе, хотя для всех, кроме пастора, это было полной неожиданностью. Он пребывал в уверенности, что нежная дружба между его дочерьми не что иное, как знак особого благоволения Господа. Однако Мод настаивала на приоритете, будучи уверена, что хвала, которую ее муж возносит Всевышнему, на самом деле причитается ей, и только ей.

Девочки Латимер не одобряли Мод и немного презирали ее, а их любовь к ней не выходила за рамки соблюдения приличий. Против Мод их сплотило вовсе не то, что сразу три оказались на периферии ее привязанностей, а то, что в их эпицентр угодила Китти.

По идее из Китти должен был выйти избалованный и капризный ребенок, но она была застенчива, тиха и безответна. Эдда и Грейс, как старшие, заметили это первыми, чуть позже к ним присоединилась Тафтс, и все три дружно озаботились тем влиянием, которое оказывала на Китти мать. Когда и как созрел заговор, имевший целью ограбить Китти от посягательств Мод, покрыто мраком тайны, но решимость заговорщиков со временем только росла.

Верховодила, как всегда, Эдда, причем это сложилось довольно давно, когда двенадцатилетняя Эдда застала Китти за весьма удручающим занятием: та пыталась изуродовать свое лицо с помощью терки для сыра. Схватив десятилетнюю сестричку, Эдда потащила ее к отцу, милейшему и добрейшему из всех человеческих существ. Он справился с проблемой наилучшим образом, подойдя к ее решению единственно доступным ему способом — стал убеждать девчушку, что, пытаясь покалечить себя, она гневит Господа, создавшего ее красивой по каким-то своим соображениям, которые Он со временем непременно ей явит.

Эта мысль держала Китти на плаву до последнего класса женского колледжа, принадлежавшего англиканской церкви. Несмотря на разницу в возрасте, все четыре сестры учились в одном классе, что было достигнуто посредством некоторого смещения начала их обучения.

Директриса, сурового вида шотландка, сочла необходимым напутствовать десяток девочек, перешедших в выпускной класс, обратившись к ним с речью, которая окончательно сбила их с толку:

— Ваши родители предоставили вам возможность учиться в женском колледже Корунды и получить там прекрасное образование, которое вы завершаете в конце тысяча девятьсот двадцать четвертого года от Рождества Христова, — объявила она с безукоризненным произношением выпускницы Оксфорда. — После окончания колледжа вы сможете гордиться полученными знаниями — во всяком случае, для женщин это превосходное об-

разование. Ваша подготовка по таким предметам, как английский язык, математика, древняя и новая история, география, естественные науки, латинский и греческий языки, дает вам возможность поступить в университет.

Сделав многозначительную паузу, она заключила:

— Однако самой лучшей карьерой для вас будет удачное замужество. Если же вы решите не выходить замуж и поступить на службу, то перед вами лишь два пути — преподавание в средней школе и работа секретаря.

В субботу за обедом Мод сочла необходимым прокомментировать эту речь.

— Какая чушь! — фыркнула она. — Нет, я не об удачном замужестве! С этим, девочки, у вас не будет проблем. Но дочерям пастора вовсе не обязательно пачкать руки, чтобы заработать на жизнь. До замужества все вы будете жить дома и помогать мне по хозяйству.

В сентябре 1925 года, когда Эдде и Грейс исполнилось девятнадцать, а Тафтс и Китти восемнадцать, Китти отправилась на конюшню и отыскала там кусок веревки. Перекинув ее через стропила, она смастерила петлю и, надев на шею, взобралась на пустую бочку из-под бензина. Когда Эдда обнаружила сестру, та уже оттолкнула бочку и смиренно висела в петле, готовясь расстаться с жизнью. Собрав неизвестно откуда взявшиеся силы, Эдда вытащила Китти из петли раньше, чем произошло непоправимое.

На этот раз она не сразу кинулась к пастору.

— Господи, сестричка, миленькая моя! Ну разве так можно?! — плакала она, прижимаясь щекой к шелковистой копне волос. — И ради чего? Хуже смерти все равно ничего нет!

Но когда Китти, обретя голос, стала хрипло изливать душу, Эдда поняла, что есть.

— Я ненавижу свою внешность, Эдда, меня от нее тошнит! Я мечтаю, чтобы мама наконец унялась и оставила меня в покое! Но нет! Она всем твердит, что я Прекрасная Елена. Она не дает мне нормально одеваться и выходить без косметики. Эдда, можно подумать, она готовит меня в невесты принцу Уэльскому!

Эдда постаралась обратить все в шутку:

— Даже наша мама отдает себе отчет, что ты не во вкусе его королевского высочества, Китс. Он предпочитает замужних и постарше тебя.

В ответ прозвучал смешок, больше похожий на всхлип, и Эдде пришлось изрядно потрудиться, употребив всю силу убеждения, прежде чем Китти согласилась пойти к отцу.

— Китти, ты не одна такая. Посмотри на меня! Я бы душу дьяволу продала — клянусь! — чтобы стать врачом. Диплом медика — моя самая заветная мечта. Но мне его не видать как своих ушей. Во-первых, на учебу нет денег — и никогда не будет. Во-вторых, в глубине души наш папочка этого не одобряет. Нет, он не против того, чтобы женщины получали профессию, но быть врачом — не женское дело, а он не хочет, чтобы я загубила себе жизнь. Я-то знаю, что он ошибается, но он и слушать ничего не желает.

Взяв руку Китти, Эдда сжала ее тонкими сильными пальцами.

— Почему ты считаешь, что только ты несчастна? Думаешь, я не хотела повеситься? Хотела! И не один раз!

В общем, к тому времени, когда Эдда сообщила Томасу Латимеру о произошедшем, Китти была податлива, как гончарная глина.

— О боже мой! — прошептал он, и по его узкому красивому лицу покатались слезы. — Для самоубийц у Господа есть особый ад — и это не геенна огненная, полная страждущих грешников. Те, кто сам лишил себя жизни, навечно пропадают в глубинах бесконечности. Там они пребывают в полном одиночестве, не видя ни единой души, не слыша ничьих голосов и не испытывая абсолютно ничего — ни мук, ни иступленного восторга. Поклянись мне, Кэтрин, что ты больше никогда не посягнешь на свою жизнь!

Китти поклялась и не делала попыток нарушить клятву. Но сестры на всякий случай держали ее под неусыпным надзором.

Как выяснилось позже, неудавшееся самоубийство произошло в очень удачный момент, и все благодаря тому, что пастор церкви Святого Марка был членом попечительского совета городской больницы Корунды. Совет собрался как раз через неделю после нервного срыва Китти, и там среди прочего обсуждался тот факт, что в 1926 году департамент здравоохранения Нового Южного Уэльса вводит новые требования к сиделкам: теперь это будут хорошо обученные, образованные

и дипломированные медсестры. Пастор мгновенно сообразил, что это неплохая карьера для девушек, воспитанных как настоящие леди. Особенно его вдохновило то обстоятельство, что эти медсестры будут жить на территории больницы, чтобы всегда быть рядом при необходимости. Жалованье, правда, довольно незначительное, а за вычетом платы за жилье, форму и книги оставалась просто жалкая мелочь, но каждая из его девочек имела скромное приданое в размере 500 фунтов, и «мелочь» позволит им жить, не затрагивая основной капитал. Да и Мод уже начинала ворчать, что для работы по дому четверых слишком много. «Почему бы не привлечь девочек карьерой медсестер? — рассуждал пастор по дороге домой. — Приличная работа, какое-никакое жалованье, проживание в больнице и (хотя это и некорректно по отношению к супруге) полная свобода от произвола Мод».

Пастор начал с Эдды, и она проявила бешеный энтузиазм. Даже Грейс, встретившая эту идею прохладно, в конце концов дала себя уговорить, ведь для них с Китти была важна не сама работа, а возможность освободиться от Мод.

Гораздо сложнее было убедить попечительский совет. Пастору пришлось в одиночку противостоять двенадцати его членам, убеждая их, что городская больница Корунды должна стать пионером в деле подготовки сиделок нового типа. В теле кроткой газели, каковой всегда считался Томас Латимер, неожиданно проснулся лев, который спал там так долго, что его шкуру слегка изъела моль. И вот впервые на памяти жителей Корунды лев за-